

**Отзыв на автореферат диссертации
Атнагулова Ирека Равильевича
«Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков:
становление и трансформация идентичностей»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по
специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология**

Объект исследования, на основании которого написана представленная диссертация, – нагайбаки, проживавшие в 1736–1843 гг. на севере Белебеевского уезда Уфимской губернии (ныне – Бакалинский район Башкортостана), а в дальнейшем – в Зауралье, на территории современной Челябинской области. Нагайбаки зафиксированы статистикой, в частности Всесоюзной переписью населения 1926 г. и Всероссийскими – 2002 и 2010 гг. Предметом исследования является воссоздание истории становления структуры идентичностей нагайбаков, выявление факторов и механизмов её трансформации в контексте Российской истории XVIII – XXI вв. (с. 4).

Среди задач работы, перечисленных диссертантом, можно в первую очередь отметить выяснение условий и причин как первоначального возникновения групповой идентичности нагайбаков, так и изменений ее на дальнейших исторических этапах, а также анализ современного состояния в обсуждении крышенского и нагайбакского вопросов в рамках политического, академического и общественного дискурсов, что позволило бы «объяснить механизм и логику становления и трансформации идентичностей нагайбаков на протяжении XVIII–XXI вв., в контексте этнополитической истории Урала и России в целом» (с. 11).

Исследование подтверждает гипотезу о том, что «этническая история и становление структуры идентичностей нагайбаков определяется их переходом от сословия в составе крещёных татар Уфимской провинции XVIII в., через этническую группу в составе Оренбургских казаков Верхнеуральского уезда до сформировавшегося к концу XX в. народа», а «в основании современной

идентичности нагайбаков находится ряд признаков, которые позволяют сохранять групповое самосознание при отсутствии актуального функционирования культурных и социальных архетипов прошлого» (с. 11).

Текст диссертации состоит из введения, четырех глав и заключения. Автор отмечает, что такая структура соответствует хронологической последовательности смены трёх периодов развития нагайбакских идентичностей и их современного состояния. Содержание диссертации отражено в 45 научных публикациях, из них: 18 – в журналах реестра Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации и три – авторские монографии (с. 15).

Представляя историографию данной темы, содержащую солидный список научных работ, автор дает ее периодизацию и при этом особо обращает внимание на тот факт, что число публикаций за последнее время, начиная с 1990-х гг., значительно превосходит все то, что выходило в свет за все предыдущие периоды (с. 5, 7).

Исследование выполнено на базе большого объема материалов. В качестве источников выступают нормативные политико-административные документы, справочные опубликованные и историко-архивные материалы, данные статистики, авторские полевые материалы, материалы региональных музеев (включая фотофонды), фольклорные материалы, данные публицистики как XVIII – начала XX вв., так и современные, словари, энциклопедии и справочники, видеозаписи и др. (с. 8–11).

В методологическом отношении автор использует полипарадигмальный подход с опорой на конструктивизм в исследовании ключевых моментов, включающий ряд фундаментальных положений по теории этноса и этногенеза в рамках примордиалистских концепций (с. 15). Возможность сочетания в рамках исследования разных методологических подходов обосновывается как результатами работ ряда исследователей (как зарубежных, так и отечественных),

так и материалом данной диссертации (с. 13). Диссертант отмечает не только эффективность конструктивистского подхода, но и в ряде моментов его непротивопоставленность примордиалистской и инструменталистской парадигме (Там же). С точки зрения автора, конструктивистский подход позволил найти объяснение феномену современного этнического самосознания нагайбаков, тогда как примордиалистский метод позволяет реконструировать исторические связи этнических культур (с. 30). Таким образом, «данное исследование построено на принципе не противопоставления двух методологий, а избирательности в их применении» (Там же).

В то же время, в отношении данного вопроса с автором не во всем можно согласиться. Во-первых, неверно, что учет изменений идентичности возможен только в рамках конструктивистского подхода (с. 13, 30). Дело не в самом факте изменений, а в том, насколько эти процессы являются управляемыми. Поэтому, во-вторых, вызывает сомнение утверждение автора о том, что примордиалистский подход «неизбежно приводит к парадигме этнического единства нагайбаков и татар..., подразумевающей общее самосознание и идентификационную платформу (см. с. 13).

Для решения поставленных задач диссертант использовал весьма разнообразный спектр методов и приемов. В селениях, где проживают нагайбаки, он провел 11 полевых сезонов, а его экспедиции имели как стационарный, так и маршрутный характер. Использовался метод непосредственного наблюдения (материальная культура и общественные отношения), метод включенного наблюдения с пребыванием на месте в течение года, интервью как с рядовыми жителями, так и с представителями местной интеллигенции, анкетирование и др. (с. 14).

Будущие нагайбаки возникли как группа крещеных татар, повёрстанных в казачье сословие по указу 1736 г. (с. 4). Вероятнее всего, формирование нагайбаков происходило при участии этнических компонентов различного

происхождения (поволжские тюркские группы, какое-то финноязычное население, возможно, также нагайцы) (с. 17–18). Из трех групп нагайбаков на территории современной Челябинской области объектом исследования явились центральная и северная (соответственно бывший Верхнеуральский и Троицкий уезды Оренбургской губернии). Третья – южная – группа оказалась в преобладающем татарском окружении и большей частью была ассимилирована ими. В то же время и численность северной группы «неуклонно снижалась за счёт смены идентичности на русскую». Таким образом, наиболее устойчивой оказалась нагайбакская идентичность, сохраняющаяся у центральной (Верхнеуральской) группы (с. 19).

Анализируя исторические материалы, автор приходит к выводу, что практика параллельного употребления конфессионима («керэшеннэр») и соционима («нагайбакские казаки», затем «нагайбаки») у нагайбаков центральной группы сложилась не позднее конца XVIII – начала XIX вв. (с. 12).

В диссертации показано, как изменение социальной среды (переселение нагайбаков в Зауралье в 1843 г. и появление на той же территории русских переселенческих поселков) повлияло на дальнейшие векторы развития идентичностей нагайбаков – от полной или частичной ассимиляции татарами и русскими одних групп, до высокоразвитого уровня самосознания у других, причем во втором случае этническая составляющая этого самосознания увеличивалась, тогда как конфессиональная и сословная – уменьшалась (с. 12). Автор отмечает, что «каждый этап смены одной доминантной идентичности на другую возникал в результате ощутимых воздействий со стороны государства, а этнические границы выстраивались самими нагайбаками всякий раз, с использованием новых маркеров. В настоящее время идентификационная основа нагайбаков это идея существования общности» (с. 12). В период с 1736 по 1843 гг., когда нагайбаки соседствовали с татарами (в том числе, крещеными татарами) главным маркирующим признаком их идентичности была их сословная принадлежность, а

языковая, религиозная и этнокультурная виды идентичностей выступали второстепенными по отношению к сословной (с. 17). Когда же они в 1843 г. переселились в Зауралье и оказались в русском окружении, религиозный фактор их идентичности как маркирующий значительно ослаб (с. 21). Таким образом этническая идентичность нагайбаков формировалась, опираясь на оппозицию окружающему этническому большинству: до 1843 г. – татарам, затем – русским (с. 28).

Как показал проведенный диссертантом опрос, в настоящее время около половины опрошенных (47%) «ощущают и транслируют собственную этническую идентичность в подавляющем большинстве жизненных ситуаций» (с. 28).

В диссертации также обращается внимание на то, что в отличие от кряшен Татарстана, которые являются объектом дискуссий, ведущихся в различных плоскостях – политической, академической и общественной, нагайбаки, проживающие, в основном, в Челябинской области, избавлены от необходимости рассматривать свою идентичность в плоскости политического дискурса (с. 24, 29).

Характеризуя этнический состав населения в районах расселения нагайбаков за последние полтора столетия, диссертант обращает также внимание на динамику и особенности использования «этнонимической номенклатуры», включающей несколько уровней (первый – термины «нагайбаки» и «кряшены», второй, связанный в одних случаях с наименованием мест, откуда они переселились, в других с названием селений, где они проживают в настоящее время) (с. 19, 26–27).

По данным диссертанта, «в представлении нагайбаков о степени близости родного языка с татарским усматриваются две основные тенденции: понимание идентичности или очень близкого родства и стремление к позиционированию нагайбакского языка как самостоятельного, весьма отличающегося от татарского. С 2005 по 2015 гг. доля нагайбаков, использующих нагайбакский язык в качестве основного разговорного (*по-видимому, имеются в виду те, кто говорит на своем этническом языке чаще, чем на русском.* – Авторы отзыва.) существенного не

изменилась. Она, как и прежде, составляет около трети населения. Резко, почти вдвое, увеличилась доля говорящих, в основном, по-русски и, соответственно уменьшилась доля говорящих на двух языках в равной степени». Если это так, то, по-видимому, следует говорить либо о начальном этапе языковой ассимиляции, либо о том, что в нагайбакской среде происходит процесс поляризации в отношении языкового поведения, и изучение этого вопроса следовало бы продолжить. Вообще все, что в тексте автореферата говорится о языковых процессах, в действительности не относится только к идентичности, а распадается на три отдельных сюжета: знание языка (языков), языковое поведение и отношение к языкам (родной – не родной), что, к сожалению, не отражено достаточно четко в тексте работы (с. 22, 26).

По данным исследования, подавляющее большинство браков, в которых состоят нагайбаки, – моноэтнические, тогда как браки с русскими составляют около четверти, а с другими национальностями – единичны (с. 23).

Характеризуя материальную культуру нагайбаков, автор делает интересный вывод о том, что строительная культура в начале XXI века «по масштабам инноваций, а в некоторых случаях, даже изменений революционного характера, переживает метаморфозы, сопоставимые, пожалуй, с ситуацией смены комплексов одежды в первые десятилетия XX века» (с. 22).

В то же время автор отмечает, что «в настоящее время для абсолютного большинства населения важнейшими этническими маркерами являются такие признаки как язык, религиозная принадлежность, физическая антропология, черты характера, предпочтения в хозяйственной деятельности, национальная кухня, исторические символы, обрядово-праздничная культура и фольклор» (с. 25).

Любопытно, что несмотря на то, что нагайбаки исповедуют православную религию, опрос показал, что в обрядово-праздничной культуре они находят больше всего отличий находят с русскими, а больше всего сходств – с татарами (с. 26).

Автор отмечает 13 позиций, в которых, по его мнению, заключается новизна данного исследования. Соглашаясь с ним, хотелось бы особо выделить следующие из них:

а) работа представляет собой первое в истории изучения нагайбаков исследование подобного рода и объёма;

б) проделан анализ и дана оценка трех факторов, повлиявших на становление нагайбакских идентичностей, – конфессионального, сословного и этнического;

в) подвергается критике принятый среди некоторых исследователей подход к современным нагайбакам на основе этнографических данных второй половины XIX – начала XX вв. и предлагается новый подход, опирающийся на реальную современную этнокультурную картину (с. 14).

Можно также отметить вывод автора о том, что «непротиворечивость различных методологических подходов, обнаруженная в процессе их применения в диссертации, позволяет говорить о целесообразности использования данного опыта в дальнейших исследованиях» (с. 15).

В целом необходимо сделать вывод о том, диссертантом проделана огромная работа, а полученные результаты позволяют заключить, что в изучение нагайбаков внесен ценный вклад. Тем не менее, необходимо отметить отдельные недочеты.

Так, не все, что в автореферате говорится о языковых процессах, сводится к идентичности. Необходимо более четко выделять такие составляющие, как знание языка (языков), языковое поведение и отношение к языкам (родной – не родной).

Там, где речь идет о позициях в отношении «нагайбакского языка» как практически не отличающегося от татарского и как языка, отличающегося от него в значительной степени, было бы неплохо хотя бы приблизительно оценить долю лиц, придерживающихся этих точек зрения.

Не вполне верны утверждения, что учет изменений идентичности возможен только в рамках конструктивистского подхода, а иные методологические подходы «неизбежно приводят к парадигме этнического единства нагайбаков и татар, подразумевающей общее самосознание и идентификационную платформу» (с. 13).

Неверно утверждение о том, что «после переписи 1936–1939 гг.» нагайбаки «утратили право на документальную фиксацию собственного этнонима». Во-первых, это произошло до этого момента, а во-вторых, такой переписи не было, а имели место две переписи – в 1937 г. и в 1939 г.

К сожалению, не указано, сколько человек было проанкетировано в ходе опросов.

Тем не менее, отмеченные недостатки практически не влияют на общую оценку данного диссертационного исследования, которое выполнено на высоком профессиональном уровне, а его автор безусловно заслуживает присуждения ему искомой степени доктора исторических наук.

Научный руководитель
Института этнологии и антропологии РАН,
Академик-секретарь
Отделения историко-филологических наук РАН,
доктор исторических наук
(07.00.07 Этнография, этнология и антропология)

В.А. Тишков

119991, г. Москва, Ленинский пр., 32а

Согласен на включение в аттестационное дело и дальнейшую обработку моих персональных данных, необходимых для процедуры защиты диссертации Атнагулова Ирека Равильевича, исходя из нормативных документов Правительства, Минобрнауки и ВАК, в том числе на размещение их в сети Интернет на сайте ИАЭТ СО РАН, на сайте ВАК, в единой информационной системе.

Ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН,
кандидат исторических наук
(07.00.07 Этнография, этнология и антропология)

А.Д. Коростелев

119991, г. Москва, Ленинский пр., 32а

Согласен на включение в аттестационное дело и дальнейшую обработку моих персональных данных, необходимых для процедуры защиты диссертации Атнагулова Ирека Равильевича, исходя из нормативных документов Правительства, Минобрнауки и ВАК, в том числе на размещение их в сети Интернет на сайте ИАЭТ СО РАН, на сайте ВАК, в единой информационной системе.

Подпись Коростелев А.Д.
заверяю Атнагулова Ирека Равильевича
Зав. отделом кадров Марина И.В.
" 30 мая 2017 г.

30 мая 2017 г.